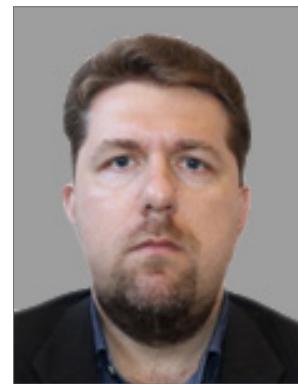

Интеграция этики и права как задача современной регуляторной политики

Аннотация. В работе проанализировано развитие социального регулирования в пределах двух нормативных систем — моральной и правовой. Показано, что эффективность такого регулирования обусловлена не слиянием двух типов правил, поскольку таковые весьма различны по своим сущностным характеристикам, а умением публичной власти устанавливать «точки пересечения» и взаимосвязи для тех практических ситуаций, где использование какого-то одного вида правил оказывается недостаточным с точки зрения защиты базовых общественных ценностей. Выявлены три принципа поддержания баланса между правовыми и моральными регуляторами в контексте внедрения в жизнь инновации, влияющей на жизнь общества. Сочетание гетерогенных норм при регулировании общественных отношений вполне достижимо и может быть эффективным, если соответствующие субъекты руководствуются одними и теми же ценностными императивами и понимают, как работают разные нормативные регуляторы.

Ключевые слова: этика, право, регуляторная политика, этическая рефлексия, социальный порядок

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.135.11.141-148

**Максим Александрович
БЕЛЯЕВ,**
доцент кафедры
теории государства
и права Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат
философских наук
mabelyaev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Maxim A. BELYAEV,

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Philosophy)
mabelyaev@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Integration of Ethics and Law as a Task for Modern Regulatory Policy

Abstract. The paper analyzes the development of social regulation within two normative systems: moral and legal. It shows that the effectiveness of such regulation is not due to the merging of two types of rules, since they are very different in their essential characteristics, but rather to the ability of public authorities to establish “points of intersection” and interrelationships for those practical situations where the use of one type of rules is insufficient in terms of protecting basic social values. Three principles for maintaining a balance between legal and moral regulators in the implementation of innovations that affect society have been identified.

Keywords: ethics, law, regulatory policy, ethical reflection, social order

Цель настоящей работы — предложить теоретически оптимальный баланс между разнородными социальными регуляторами, входящими в единую коммуникативно-конвенциональную практику публичного управления, осуществляемого государством через уполномоченные органы. Поводом для поиска такого баланса является потребность государства отвечать на возрастающее количество внешних и внутренних вызовов в важнейших сферах общественного бытия, таких как экономика и культура.

Словосочетание «современная регуляторная политика» в заголовке статьи требует некоторых пояснений. Во-первых, сам термин «регуляторная политика» нужно рассматривать как собирательный, предполагающий единство всех способов организующего воздействия государственного механизма на общественные структуры, если такое воздействие носит целенаправленный, систематический и наблюдаемый характер.

Во-вторых, эпитет «современная» в отношении регуляторной политики предполагает эволюционный характер государственного регулирования, изменяющегося сообразно возникновению новых параметров в социальных подсистемах вне зависимости от их масштаба. В этом отношении всякий набор средств регулирования, отвечающий на запросы времени, может считаться современным, тогда как каждый новый вызов, не нашедший реакции в действиях и решениях публичной власти, сдвигает практики управления и контроля в сторону устаревших, и чем масштабнее такой вызов, тем быстрее происходит сдвиг.

Тематика регулирования принадлежит как правовой науке, так и социологии. Очевидно, что урегулировать социальные отношения — это в первую очередь упорядочить их. По верному замечанию О. Ю. Рыбакова, «право, общество и государство соединены необходимостью воспроизведения отношений взаимного регулирования и обмена в самых различных сферах, где возможно нормативно-ценностное регулятивное воздействие для достижения цели»¹. Именно обмен приводит к повторению одних и тех же действий, отклонение от последовательности которых в конечном счете воспринимается как нарушение нормы. Одновременно то, что нормально для одной модели порядка, может выходить за пределы допустимого в рамках иной модели. Это хорошо видно на примере различия обществ с рыночной и плановой экономикой: им присуще разное соотношение формальных и неформальных институтов, легитимированных населением.

Поскольку плановая экономика по ряду причин нечувствительна к личной предпринимательской инициативе, многие действия индивидов, направленные на удовлетворение личного интереса, оказываются удачными только благодаря наложенным неформальным связям — родственным, соседским и иным. Данные связи работают как проводники частного интереса, и этим они ценны. Господство же рыночной модели, где потребность в таком рода проводниках менее острая, привносит в социальную коммуникацию отчужденность и обезличенность, компенсированную, впрочем, явно выраженными и зафиксированными «правилами

¹ Рыбаков О. Ю. Человек, право, культура, технологии: новая парадигма взаимодействия? // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы VI Национальной научно-практической конференции, Казань, 25 февраля 2022 г. Казань : Университет управления ТИСБИ, 2022. С. 195.

игры», вытекающей отсюда универсальностью и наличием юридических гарантий правомерного поведения контрагента.

Также в плановой экономике преобладает парадигма общего блага, во имя которой государственные ведомства принимают в конечном итоге решения о централизованном распределении всего производимого. То, что при этом сфера частных интересов остается на втором плане — не недостаток данной системы, а ее ключевая особенность. В идейном смысле частное благо и должно быть подчинено общему, т.е. не расходиться с ним в содержательном отношении, и частный интерес не может вступать с публичным интересом в состояние конкуренции, поскольку они изначально не равны.

Итак, разные типы материального обмена влекут за собой разные модели социального порядка, а следовательно, и разный спрос на регулирование. В контексте нашего исследования допустимо отождествить формальное регулирование с правовым, а неформальное — с моральным, понимая, конечно, под моралью свод корпоративных правил, объединенных взаимным признанием участников такой корпорации, а не продукт некоего общечеловеческого «нравственного чувства». Последнее едва ли может быть выявлено эмпирически. Отметим также, что в отличие от регуляторной логики, которая предполагает многократное повторение одного и того же правила без использования механизмов обратной связи, что характерно для технических систем, в системах социальных требуется именно регуляторная политика, сочетающая этические и правовые компоненты и полагающая тем самым предел даже безупречно разумным решениям.

С нашей точки зрения, в таком сочетании нуждается любая социально-экономическая система. Значимость правового регулирования проистекает из принципа формального равенства, онтологически присущего праву. Именно с формальным равенством связаны в конечном счете нацеленность государства на защиту прав и свобод личности, демократизм в формировании высших органов государственной власти, равенство всех перед законом и судом, презумпция невиновности и другие постулаты развитого правопорядка.

Косвенным же доказательством важности развитого правопорядка выступают социологические данные, из которых следует, что соответствующим образом урегулированная экономика привлекает как внутренние, так и внешние инвестиции, служащие «топливом» для реального развития. В этом отношении абсолютно прав А. В. Корнев, по мнению которого «любые трансформации, как показывает опыт успешных реформ, начинались с формирования их правовой основы»².

Полезность же морального регулирования заключается в том, что личность, идентифицируя себя как члена локального сообщества (или многих сообществ одновременно), приучается к мышлению в безусловных категориях добра и зла, приобретает умение делать автономно-волевой выбор и полагать его в основание своих действий. Этические правила, имея за собой некий внешний авторитет, конструируются, однако, так, чтобы субъект, следующий этим правилам, мог бы сам заместить позицию этого внешнего авторитета, правда лишь для себя, а не для других (таков смысл кантовского выражения «моральный закон внутри»).

² Корнев А. В. Право как инструмент конструирования социальной реальности (к 300-летию со дня рождения И. Канта) // История государства и права. 2024. № 6. С. 18.

В этом смысле любая этическая норма обладает колоссальным воспитательным значением, столь необходимым в любой профессиональной работе, в том числе и работе юриста.

Как верно пишет В. М. Артемов, «юридические весы не могут ничего правильно взвесить, если в самих сердцах и головах тех, кто пытается это делать, нет нравственных чувств»³. Косвенным же подтверждением необходимости морального регулирования экономической деятельности могут быть данные, демонстрирующие эффективность разрешения споров посредством негосударственных механизмов, а также сведения о так называемых «провалах государства», выравниваемых усилиями институтов гражданского общества, которым, заметим, также свойственна определенная мораль⁴.

Однако безусловная необходимость правовых и этических предписаний не означает их взаимозаменяемости. Поиск баланса, о котором шла речь выше, необходим тогда, когда деятельность, важная в общественном и частном измерениях, поддерживается и правом, и моралью, а те, в свою очередь, стремятся коммуникативно вытеснить друг друга, дабы господствовать полностью в пределах пространства, заданного указанной деятельностью. На языке теории систем это означает тенденцию к дезинтеграции.

Мы полагаем, что всякая инновационная практика, имеющая положительный экономический эффект, потенциально стремится дезинтегрировать отведенное ей социальное пространство, поскольку разводит по разные стороны императивное государственное регулирование, нужное лишь пассивным, несамостоятельным участникам, скорость движения которых меньше скорости расширения данного социального пространства, и саморегулирование, естественным образом вырастающее благодаря наиболее активным субъектам, хорошо понимающим как свой интерес, так и запросы рынка. Поскольку государство не имеет заинтересованности в том, чтобы препятствовать развитию инноваций, ему остается обеспечивать комплексный регуляторный подход, в котором будут сочетаться различные меры воздействия.

Специфика такого подхода может быть раскрыта при помощи теории социальных систем, берущей свое начало в работах Т. Парсонса и Ю. Хабермаса. Любая социальная система характеризуется критерием идентификации, последовательное применение которого создает вокруг данной системы как пространственные границы, так и границы иных типов⁵. Если элемент принадлежит данной системе, он соответствует данному критерию. Урегулирование общественных отношений с помощью права как раз и предполагает создание критериев идентификации, ранее не существовавших. Следовательно, и соответствующая подсистема социума вызывается к жизни благодаря принятию юридических норм. Увеличение числа критериев идентификации для социальной системы ведет к следующему.

³ Артемов В. М. Нравственная философия как методологическая основа и ценностный ориентир профессиональной этики в праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 23.

⁴ Элликсон Р. Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры. М. : Изд-во Института Гайдара, 2017.

⁵ Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М. : Практис, 2010. С. 8—32.

Во-первых, возрастает степень независимости системы от окружающей среды и ее влияния. Понятно, что влияние может быть как позитивным, так и негативным, так что идентификация должна носить избирательный характер: позитивные воздействия должны допускаться, а негативные — отбрасываться на стадии их появления у границ системы.

Во-вторых, многие ранее не замечаемые перемещения ресурсов, информации, энергии через границы системы становятся заметными. Возрастает информационная нагрузка для контролирующих инстанций, с одной стороны, и конфликтогенность в районе границы — с другой.

Наконец, возрастание числа критериев идентификации для социальной системы провоцирует и хрупкость самой системы, поскольку внешнее отождествление рано или поздно интериоризируется, становясь предметом самосознания членов сообщества, и вследствие этого перерождается в условия единства данного сообщества, а эти условия, будучи внутренними, с трудом поддаются оперативной корректировке. Соответственно, сохранение социального единства при небольшом числе параметров оказывается более простой задачей, но для обеспечения более надежной самоидентификации членов сообщества этих параметров должно быть достаточно много.

В этом отношении чрезвычайно показателен Указ Президента РФ от 9 октября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этом важном и своевременном документе закреплено 17 ценностных ориентаций и установок, подлежащих государственной защите, что как раз-таки и свидетельствует о повышенном внимании публичной власти к проблемам национальной идентичности сегодня.

Регуляторная политика предполагает, как было сказано выше, некую адаптацию системы под условия окружающей среды. Такая адаптация должна сохранять критически важные параметры порядка, одновременно допуская изменение иных параметров. Поэтому различие моральных и правовых норм, аналитически обнаруживаемое в любом обществе на относительно высокой стадии его развития, лишь воспроизводится в течение жизни той или иной цивилизации, но никогда не стирается окончательно.

Наш следующий тезис заключается в том, что основным механизмом воспроизведения указанного различия является создание и расширение схем рефлексии, о чем следует поговорить подробнее.

Начнем, однако, не с этики, а с права. Правовое регулирование в известной мере консервативно, так что создание новых правоотношений всегда осуществляется по аналогии с прежними правоотношениями. Инструментом здесь служит расширение круга субъектов, на которых распространяется данное юридическое правило. По сути, это минимальная новация, которую способен допустить законодатель, не опираясь на глубокие доктринальные исследования проблемы. Если этого недостаточно, в новое юридическое правило включаются абстрактные описания и новых объектов материального мира, по поводу которых люди и организации вступают в правовое общение. Если и этого недостаточно для конкретизации регулирования, меняется правовое содержание самой модели

поведения: на участников возлагаются новые обязанности, также участникам предоставляются новые субъективные права.

Итак, цикл правового регулирования выглядит следующим образом. Вначале осознается необходимость дифференциации единого правового режима. Далее выбирается способ такой дифференциации; возможна и комбинация способов, влекущая создание нового правового режима, в котором присутствуют иные субъекты, обладающие иными правами и обязанностями, а также по-другому очерчен круг материальных и нематериальных объектов. Если реализован именно полный цикл, то мы имеем не общий и особенный режимы, а два взаимоисключающих режима правового регулирования. Поскольку подобного рода настройка системы может повторяться неограниченное число раз, рост числа правовых норм изнутри самой системы права ничем не сдерживается и порой даже не отслеживается.

Совсем иначе осуществляется изменение регулирования с участием этических норм и правил. Предположим, мы имеем дело с новой технологией, по поводу реализации которой возникают общественные отношения, но их правовая граница не определена окончательно. При этом есть сомнения в безопасности данной технологии для человека — самого пользователя, иных лиц и т.д. В этом случае необходимо выявить или организовать и сделать обязательными неформальные коммуникации. В ходе их осуществления нужно определить круг профессионалов, непосредственно соприкасающихся с этой технологией, понять, какие общественные ценности оказываются под угрозой, если данная технология получит свое полное воплощение, предусмотреть создание некоего межведомственного органа (этической комиссии и т.д.), который мог бы, руководствуясь нормами морали, принимать решения или давать рекомендации относительно того или иного конкретного применения данной технологии. В состав такого органа непременно должны входить представители собственно профессионального сообщества, причастного к разработке технологии, предприниматели, отвечающие за ее последующее внедрение, органы государственной власти или местного самоуправления, отвечающие за технический контроль, надзор и безопасность на том или ином территориальном уровне. Очевидно, может потребоваться участие и иных субъектов, представителей общественности в самом широком смысле этого слова. Завершаться петля этической рефлексии должна юридизацией, т.е. переходом регулирования из неформального в формализованное.

Суть такой формализации нужно пояснить примером. Предположим, что перед нами стоит задача урегулировать применение сильной версии искусственного интеллекта (ИИ) в медицине. Вполне очевидно, что эта технология ввиду ее сложности и непредсказуемости не может быть признана абсолютно безопасной. Все действия по реализации данной технологии должны каким-то образом верифицироваться и подвергаться контролю. Нужно создать этический комитет по контролю за медицинскими алгоритмами ИИ или медицинскими роботами, действующими на основе ИИ. Но любая технология содержит в себе и потенциальную возможность коммерциализации.

Предположим, что некая организация начинает продажу таких роботов на рынке без получения согласования от этической комиссии. Сама комиссия — орган негосударственный, она не может подвергнуть нарушителя каким-либо мерам государственно-властного принуждения. Очевидно, что, если на кону большая

прибыль, апелляция к одним только моральным принципам не сможет остановить предпринимателей. Но за пределами авторитетных рекомендаций этическая комиссия не уполномочена, так что здесь очень важно определить, каким именно образом государство может содействовать этическим комиссиям с точки зрения правовой формы.

Наилучшим, с нашей точки зрения, вариантом будет закрепление в законе возможности подачи коллективных превентивных исков о запрете или ограничении общественно опасной деятельности, например, до завершения процедуры этической экспертизы и вынесения соответствующего заключения. В настоящее время подобного рода предупредительные действия признаются государством, но они пока не получили широкого распространения.

В качестве итога сформулируем основные принципы поддержания баланса между правовыми и этическими регуляторами, о котором шла речь изначально. Поскольку мы видим, что единство и различие морального и правового регулирования обнаруживаются в существовании и функционировании социальных систем любого масштаба, данная проблематика актуальна. Для государства открывается не просто взаимосвязь этих способов регулирования, а необходимость верного определения пропорций моральных и юридических установлений при принятии решений, так или иначе соотносимых с общим благом. Движение к общему благу невозможно без определенной степени социальной интеграции. Поэтому первый принцип поддержания баланса таков: если некая общеполезная деятельность, в том числе инновационная, ведет к дезинтеграции того общественного пространства, которое нужно этой деятельности, требуется увеличивать степень связности подсистем, ограничивая саморегулирование в одном случае и сокращая регуляторную нагрузку — в другом.

Мы заметили, что эволюция правового регулирования больше похожа на циклическое воспроизведение универсальной структуры правоотношения как ключевого узла в механизме правового регулирования, так что со стороны представляется, будто право производит само себя, опираясь лишь на собственные внутренние ресурсы логико-абстрактного вида (иерархию, коллизионные нормы, принцип формального равенства и другие принципы права). Действие моральных норм лучше сравнивать не с эволюцией, а с воплощением некоего универсального морального эйдоса в новой ситуации, требующей напряженной нравственной рефлексии. В таком случае (это будет вторым принципом) любое саморегулирование нужно на «входе» и «выходе» ограничивать правовыми нормами, одновременно сохраняя этическую ориентированность экспертных дискуссий относительно условий и результатов инновационной деятельности.

Эволюция права приводит с неизбежностью к увеличению числа правовых норм, тогда как моральная рефлексия служит важным воспитательным средством, способствующим также повышению ответственности и активности граждан, как профессионалов, так и просто заинтересованных лиц. Цикличность правового регулирования настолько естественна, что порой государство должно ее сдерживать, этическая рефлексия, напротив, есть процесс преимущественно скрытый, так что государство должно способствовать ее объективации и выходу в публичное пространство.

Третий принцип из выявленных нами состоит в том, что и сдерживание правового регулирования, и объективация этически центрированных дискуссий могут совершаться в различных масштабах, так что кажется максимально разумным проведение предварительных регуляторных экспериментов, в ходе которых будет понятно, что для данной инновации является более результативным — дробление правовых режимов или трансформация этических рекомендаций в обязательные требования. В целом мы полагаем, что сочетание гетерогенных норм при регулировании общественных отношений вполне достижимо и может быть эффективным, если соответствующие субъекты руководствуются одними и теми же ценностными императивами и понимают, как работают разные нормативные регуляторы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артемов В. М. Нравственная философия как методологическая основа и ценностный ориентир профессиональной этики в праве // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 20—31.
2. Корнеев А. В. Право как инструмент конструирования социальной реальности (к 300-летию со дня рождения И. Канта) // История государства и права. — 2024. — № 6. — С. 13—19.
3. Рыбаков О. Ю. Человек, право, культура, технологии: новая парадигма взаимодействия? // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы VI Национальной научно-практической конференции. Казань, 25 февраля 2022 года. — Казань : Университет управления ТИСБИ, 2022. — С. 194—201.
4. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воропай, общ. ред. и вступ. ст. О. В. Кильдюшов, прим., именной и предметный указатели Т. А. Дмитриев. — М. : Практис, 2010. — 264 с.
5. Элликсон Р. Ч. Порядок без права : как соседи улаживают споры / пер. с англ. М. Маркова и А. Лашева ; под науч. ред. Д. Кадочникова. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 512 с.